

Информация к размышлению Non-fiction

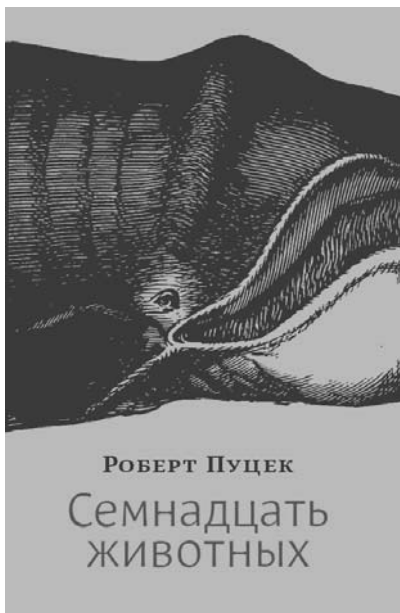
С АЛЕКСЕЕМ МИХЕЕВЫМ

[267]

ИЛ 9/2019

В издательстве Ивана Лимбаха вышла книга **Роберта Пуцка** “*Семнадцать животных*” (пер. с польск. **О. Морозовой**. — СПб., 2018. — 200 с.); ее московская презентация состоялась летом в Польском культурном центре. Животных автор описал самых разнообразных: здесь не только те, кого мы обычно этим словом называем (кит, бизон, обезьяна, волк, собака, белка...), но и другие живые существа, которые в нашем представлении все-таки не вполне “животные” (мотыльки, пчелы, саранча...), — не говоря уже о мифическом драконе. Но речь идет вовсе не о зоологии — перед нами сборник эссе, в которых наблюдения автора за представителями фауны и размышления о них становятся материалом для выстраивания особой философии мироздания, где каждый элемент внешнего (в том числе и “животного”) мира несет для нашего сознания человека некий смысл, требующий анализа и расшифровки.

Пуцек описывает своих “героев” как носителей разнообразных моделей существования в мире, специфика которых позволяет лучше понять модель собственную, человеческую; при этом рациональные методы познания уступают место иррациональным художественным фантазиям. Авторская рефлексия принимает при



этом причудливые формы: так, отдельные главы носят названия “*Память слона*”, “*Одиночество улитки*”, “*Крокодил возжеления*” или “*О любви пчел*”, о деньгах дает возможность поразмышлять верблюд, о религии — лошадь, а вот о смерти — вошь. Книга насыщена многочисленными отсылками к другим текстам — классиков философии и литературы в “*Избранной библиографии*” несколько больше, чем “*семнадцать*”: Аристотель, Лейбниц, Цицерон, Колумб, Брем, Мелвилл, Платон, Шопенгауэр, Сведенборг, Торо, Борхес, Лотреамон, Гердер, Кеплер, Метерлинк, Лавкрафт, Эко, Бэкон, Шпенглер, Декарт, Данте, Дарвин и другие.

Что касается отсылки к Дарвину, то Пуцек, конечно

же, к эволюционной теории естественного отбора относятся критически: представленная здесь картина мира по сути своей — креационистская. Но любопытно при этом, что очевидная религиозная позиция не мешает автору крайне скептически и даже пренебрежительно высказываться по поводу католической церкви в ее нынешних институциональных формах.

В книге **Клода Леви-Стросса** “*Все мы каннибалы*” (предисловие **М. Олендера**, пер. с фр. **Е. Морозовой** и **Е. Чебучевой**. — Москва: Текст, 2019. — 254 с.) тоже семнадцать глав, но это не единое целое, а сборник статей, которые знаменитый антрополог и культуролог писал по просьбе итальянской газеты *La Repubblica* в последнее десятилетие XX века (1989 —



2000), в возрасте уже за семьдесят (родился он в 1908-м). В этой рубрике ранее уже обзореались переводы нескольких похожих сборников его младшего современника

(родившегося в 1932-м) Умберто Эко, которые были составлены из эссе, публиковавшихся в периодической печати в начале XXI века (то есть в возрасте автора за семьдесят). Понятно, что это особый жанр: немолодые интеллектуалы в популярной форме доносят свои мысли до широкого читателя — но если Эко обращался при этом чаще к каким-то элементам массовой культуры, делая их объектом критического анализа (часто в иронической форме), то Леви-Стросс в своих статьях академически серьезен и рассматривает более драматичные современные реалии, такие как эпидемия “коровьего бешенства” или практика женского обрезания в Африке. А если ирония здесь и появляется, то довольно горькая — так, в завершающей сборник статье “*Вслед за Вико*” сочувственно обсуждается теория, “согласно которой быстрое размножение человеческого вида сродни раковой опухоли земного шара”.

Актуальные события Леви-Стросс помещает в контекст своих классических научных исследований, главные из которых были посвящены поиску глобальных культурных универсалий: на основе анализа мифологических представлений о мироустройстве у разных народов он пришел к выводу, что, хотя структуры и сюжеты мифов могут сильно различаться, на некоем глубинном уровне в этих моделях удается обнаружить элементы, которые по сути своей инвариантны. А в этом сборнике наиболее, пожалуй, показательна статья 1993 года с говорящим само за себя названием “*Мыш-*

ление мифологическое и мышление научное”, в которой мифы индейцев Северной Америки автор ставит в один ряд с моделями мира, порождаемыми в ходе развития астрофизики и квантовой физики, — Леви-Стросс пишет, что *“научная мысль в своей наиболее современной форме предлагает признать, что метафора и аналогия, скорее всего, изначально являются органической частью языка”* и призывает *“видеть в образном языке основной способ мышления, сближающий с реальностью, а не отрывающий от нее, как было принято считать ранее”*.

Ну а еще одна книга Леви-Стросса вышла в уже упоминавшемся издательстве Ивана Лимбаха (**Клод Леви-Стросс, Дидье Эрибон. Издалека и вблизи.** Пер. с фр. **И. Панферовой.** — СПб, 2018. — 288 с.). Второе имя на обложке принадлежит французскому философу, который выступает здесь в качестве не столько соавтора, сколько интервьюера. Их обширная беседа (которая велась в 1988-м) содержит обсуждение не только сугубо научных тем — значительное место занимают тут рассказы Леви-Стросса о своей жизни на протяжении всего XX века — о годах учения во Франции, об эмиграции (во время войны) в Америку и работе в Нью-Йорке, о послевоенном возвращении, о встречах с Бретоном, Лаканом, Сартром, Симоной де Бовуар, Романом Якобсоном и другими учеными и писателями — французскими и американскими. Такой биографический жанр всегда интересен, а в данном случае он дает возможность увидеть историю столетия через призму судьбы одного из круп-

нейших интеллектуалов своего времени.

Леви-Стросс прожил насыщенную и удивительно долгую жизнь — он умер относительно недавно, в 2009-м, в возрасте ста лет. Лично для меня это особо удивительно, потому что почти полвека назад, в 1974-м, свою дипломную работу на экономическом факультете МГУ я написал, вдохновляясь недавно вышедшим сборником *“Семиотика и искусствометрия”* (под редакцией Ю. М. Лотмана и моего научного руководителя В. М. Петрова), открывавшимся отрывком из работы Леви-Стросса *“Сырое и вареное”* (здесь это название переведено как *“Сырое и приготовленное”*), — и тогда это имя в моем представлении принадлежало какой-то уже ушедшей эпохе, как, скажем, имя Фердинанда де Соссюра. А был он современником, причем не таким уж и (по крайней мере по нынешним меркам) старым. Во всяком случае, сейчас мне столько же, сколько ему — тогда.

